ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ им. Н. Я. МАРРА АН СССР
ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ · VI—VII

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
327
57

С. П. ОБНОРСКИЙ

Язык договоров русских с греками

Договоры русских с греками составляют замечательные, но вместе с тем и загадочные в разных отношениях памятники старой письменности. Значительность их содержания вызвала большой интерес со стороны различных исследователей. Но среди последних по большей части мы встречаем имена наших историков и историков права, также историков русской литературы, и меньше всего видим здесь лингвистов, историков языка. В последнем отношении собственно выдается одна крупная работа — Н. А. Лавровского «О византийском элементе в языке договоров русских с греками» (1853 г.), исследование, выводы которого о неоригинальности, о переводном характере договоров составляют общепризнанное положение нашего времени.

В последние годы замечательная по сжатости, четкости и оригинальности выводов статья, посвященная договорам, написана акад. В. М. Истриным (Изв. ОРЯС, т. XXIX, 1924 г.). В этой статье, между прочим, подведены итоги всей предшествующей разработке вопроса о договорах. Итоги получились невелики. Кроме положения о греческой основе договоров, добытого, как замечено, еще в результате исследования Н. А. Лавровского, во всех прочих отношениях мы имеем пока еще неразрешенные проблемы. Такова проблема о реальности договоров, об их современности, о языке в собственном смысле договоров.

Как известно, договоры дошли до нас в составе Повести временных лет. Здесь они, в числе четырех, помещены под 907, 912, 945 и 972 гг., будучи отнесены к деятельности русских князей Олега (договор 907 и 912 гг.), Игоря (договор 945 г.) и Святослава (договор 972 г.). Однако текстуально из всех этих четырех договоров мы имеем лишь договоры 912, 945 и 972 гг. Что касается первого договора князя Олега, то летописец лишь от своего имени под 907 г. (после повествования, в преувеличенных красках, об удачном походе Олега на Константинополь) говорит

об обстоятельствах заключения договора, попутно при этом сообщая эксцерпты самого договора в числе его семи пунктов. Далее в летописи под 908, 909, 910 гг. нет никаких сообщений; все содержание событий 911 г. исчерпывается сообщением о появлении на западе большой в виде копья звезды, и начинается повествование о событиях 912 г. приведением текста самого договора (912 г.) после короткой вводящей фразы об отправке Олегом послов своих, чтобы «построити мира и положити рядъ межю Русию и грекы». Что же перед нами — два самостоятельных договора, заключенные в 907 г. и вторично, в какой-то сложившейся новой обстановке, в 912 г.? Сама летопись в своем повествовании не дает фактических оснований для предположения двукратности заключения договора на протяжении этого короткого промежутка времени. Текстуально договор 912 г. не содержит никаких указаний на то, чтобы до него было заключено какое-нибудь договорное условие между Русью и Византией. С другой стороны, показательно полное отсутствие в тексте договора 912 г. тех статей, которые приведены в летописи под 907 г., между тем по своему содержанию они таковы, что не могли не быть обязательными элементами договора (это статьи о взимании послами «слебного», или гостями «месячины», также брашна и судного оборудования на обратный путь и т. д.), и действительно, все они вошли в позднейший договор 945 г. Необходимо, очевидно, согласиться с заключением акад. А. А. Шахматова о том, что в действительности договора между Русью и Византией в 907 г. не было, и сообщение в летописи под этим годом о заключении договора с приведением отдельных его статей обязано целиком домыслу летописца, по своему разумению связавшего в своем повествовании факты удачного похода русских в Византию 907 г. и заключения между ними договора. Самый акт заключения договора и выработка соответственного текста договора, очевидно, имели место позднее, т. е., считаясь с свидетельством летописи, принадлежали 912 г. Но был ли этот договор, договор 912 г., реален? Дело в том, что текст этого договора по содержанию входящих в него статей во многих пунктах одинаков с договором 945 г., содержащим в себе, как отмечено выше, и статьи, помещенные в летописи под 907 г. Но эта близость содержания не может служить основанием к тому, чтобы заподозрить истинность договора 912 г. Вполне возможно, и это само по себе было бы понятно, что содержание позднейшего договора должно было считаться с соответственным актом договорного соглашения предшествующего времени и в известной мере исходить из него, повторно используя из него те пункты, которые не утратили со временем своей актуальной силы. Этим должно объяснять

близость постатейного содержания договоров 912 и 945 гг. Оба договора вместе с тем содержат в себе ряд признаков внешних и внутренних различий, заставляющих видеть в них два раздельные юридические акта. Договор 945 г. имеет ряд статей, отсутствующих в договоре 912 г. (напр., о военной помощи русских, о мерах против черных болгар, об обеспечении условий рыбной ловли для корсунян у Днепровского устья, о возбранении военных действий в Корсунской области и др.), или иную формулировку отдельных статей и под.; с другой стороны, не все статьи договора 912 г. вошли в состав договора 945 г. Все эти различия обоих договоров, как, с другой стороны, и их связь естественны и понятны сами по себе. Обращает на себя внимание троекратная ссылка договора 945 г. на предшествующий договор по формуле «якоже уставлено есть (преже)». Первая соответственная ссылка относится к статье, предоставляющей русским право посылать в Византию корабли с послами и гостями, вторая ссылка относится к пункту об обеспечении возвращающихся обратно в Русь русских пищей и ладейным снаряженьем, в третьем месте говорится об обязанности греков, «как положено прежде», уплачивать две паволоки за бежавшего русского челядина в том случае, если бы он не был разыскан в Греции. Что же это за прежнее установление? Это, конечно, соответствующие статьи предшествовавшего (договору 945 г.) договора, т. е. договора 912 г. Но в тексте этого договора, 912 г., как раз нет этих статей. Однако из трех приведенных пунктов для двух первых находятся подходящие места в изложении летописца под 907 г. Только для третьего места ссылки договора 945 г. на прежнее установление не находится подходящего контекста в договорах и 907 и 912 гг. Мы должны на основании всего этого сделать вывод, к которому в свое время пришел еще Сергеевич (Ж. М. Н. Пр., 1882, январь, стр. 92), о том, что в контексте договора 912 г. перед нами фактически договор неполный. Первоначальный текст этого договора был сокращен летописцем и за счет отдельных его статей, перенесенных им в повествование под 907 г., и в ряде иных мест. Ср. по изданию «Повести временных лет» акад. А. А. Шахматова содержащееся в тексте договора одно лишь заглавие статьи «о възимающихъ куплю Руси», без самого содержания статьи, и другие испорченные места в тексте договора.

Что касается договора 945 г., то и в его контексте с давней поры наблюдена несогласованность в изложении статей — в начале и в конце договора от имени Руси, в срединной части, т. е. собственно в договорных статьях, от лица Византии. В объяснение этого факта еще Гедеоновым высказано предположение о наличности у переводчиков договора двух раз-

ных его оригиналов — одного, содержавшего текст договора, шедшего от русских к грекам, и другого, напротив, исходившего от греков к русским, причем под рукою переводчиков произошла указанного вида компоновка обоих оригиналов. Ср. в связи с этим именно в тексте договора 945 г. изобилующие случаи смешения слов «наш», «ваш», «нам», «вам» и под., легко объясняющиеся из соединения в тексте двух противоположных по отправной линии изложения оригиналов договора.

Договор 972 г., заключенный Святославом после его неудачного выступления против Византии, сам по себе сжатый, скупо в своем содержании оформленный именно по причине свежих впечатлений от неудачи похода Святослава, вообще не вызывает сомнений ни в отношении своей реальности, ни в отношении своего содержания и формы.

В указанной статье акад. В. М. Истрин впервые заострил внимание на вопросе об отношении дошедших текстов договоров, точнее сказать — их перевода, ко времени собственно заключения отдельных договорных актов, также на вопросе о том, что же был за язык, на который переведены были эти договоры. Оба эти вопроса в предшествующих исследованиях не были поставлены в прямой своей форме. С одной стороны, вообще лингвистическое изучение договоров, как отмечено выше, было незначительным. С другой стороны, этих вопросов не возникало ввиду общей недостаточности разработки самого русского языка и истории русского языка, при которой, напр., отсутствовало в научном обороте четкое представление как различных понятий — понятия русского и славянского языка в отношении к старшей поре и под. В таком положении вещей естественно, что отдельные исследователи, попутно затрагивая вопрос о времени написания договоров и о языке, на который они были переведены, обычно высказывались, не приводя особых доказательств, в пользу предположения современности перевода договоров реальным актам договоров и в пользу болгарского языка, как языка их переводов. По предположению акад. А. А. Шахматова, в летопись договоры впервые были включены Нестором, нашедшим их в княжеском книгохранилище и использовавшим в своем труде по составлению Повести временных лет, следовательно, в начале XII в. Неясным при этом остается вопрос, в каком виде, по представлению акад. А. А. Шахматова, содержались договоры в княжеском книгохранилище, были ли это греческие оригиналы, или уже сделанные ранее с них переводы. Акад. В. М. Истрин, не находя в тексте дошедших договоров таких данных, которые убедительно свидетельствовали бы о разновременности сделанных их переводов, или черт, которые позволили бы отнести перевод ко времени заключения

самых договоров, напротив, усматривая в отдельных местах порчи текста договоров указание на то, что перевод их производился поздно, когда само содержание договоров уже было чем-то забытым и непонятным, что и сделало возможным появление в переводе искажений, — заключил об общем одновременном и вместе с тем позднем переводе договоров — во второй половине XI в. Это была пора, по мысли акад. В. М. Истрина, первоначального составления у нас хронографа. В нем византийская история, составленная по хронике Георгия Амартола, была продолжена событиями русской истории, начиная с 852 г. Сюда, наряду с прочими источниками, были включены и договоры, на сей предмет переведенные в том же литературно-переводческом кружке, организованном деятельностью Ярослава Мудрого, в котором производилось составление хронографа, которому принадлежал и ряд иных переводов византийских памятников. Так разрешая вопрос о времени перевода договоров, акад. В. М. Истрин соответственно считал язык, на который были переведены договоры, нормальным русским литературным языком того времени, тем же, которым писалась и вся летопись, т. е. это был церковно-славянский язык, но воспринявший в себя известные, иногда в большей, иногда в меньшей мере, в зависимости от характера памятника, черты русского языка. Таким образом, в разрешении акад. В. М. Истриным вопроса о времени и языке перевода договоров перед нами тот же основной его взгляд, что и в его оценке происхождения ряда иных переводных произведений старой нашей письменности в роде хроники Георгия Амартола и др.

Изучение языка договоров представляет большие трудности. Перед нами произведения по происхождению X — XI вв., но представленные списком для двух договоров 945 и 972 гг. лишь последней четверти XIV в., так наз. Лаврентьевским списком летописи 1377 г., этим старейшим из летописных списков, содержащих Повесть временных лет; для двух же остальных договоров приходится пользоваться списками еще более поздними — XV в. Таким образом, от периода первоначального появления договоров до времени старшего, свидетельствующего о них, списка оказывается промежуток в 300—400—500 лет. Понятно, что в дошедших списках XIV—XV. вв. не могли сохраниться фонетические черты его первооригинала; должны были за этот промежуток времени стереться и многие морфологические особенности основного оригинала договоров. Но теоретически можно ожидать наличности известных черт из области лексики и синтаксиса, по которой из данных списков XIV—XV вв. представима была бы первоначальная соответствующая картина словарных и синтаксических особен-

ностей языка договоров. В этих направлениях — главным образом лексики и синтаксиса, и в малой степени — морфологии — сосредоточено мною изучение языка договоров. Результаты сделанных соответствующих наблюдений представляются в следующем виде.

В области склонения можно отметить несколько форм дат. ед. числа одушевленных имен существительных на — *ови* (— *еви*): ко цр̃еви вашему (рядом — ко цр̃ю вашему) — договор 912 г., къ великому князю русскому Игореви — договор 945 г., к вамъ Львови и Александрови и Костянтину — договор 912 г. Здесь можно усматривать след прямого или косвенного воздействия живой южнорусской, по терминологии акад. А. А. Шахматова, стихии на первоначальный текст договоров.

В области глагольных образований следует отметить наличность в договоре 945 г. формы имперфекта. Форма встречается здесь два раза: яко мы *свѣщахомъ* напсахомъ... 185; *ношаху* сли печати злати 56. Этот факт употребления имперфективных форм может служить общим показателем принадлежности договоров старой стадии жизни книжного русского языка.

Аорист в тексте договоров встречается относительно очень часто: *договор 912* — и таковое написание *дахомъ*... 146; мы же *кляхомся* ко цр̃ю вашему 142; и гостие (аще) *погубиша* челядинъ и жалують... (Шахматов исправляет: погубивъше) 120; (и) отдасть тое еже *смь* створити 72; мир *сотворихомъ* Ивановым написаниемъ 137; многажды право *судихомъ* 21; *договор 945* — мы же... *кляхомъ ся* цр̃квью с̃го Ильѣ 187; мы же съвѣщанье (Лавр.: -ньемь) се (Лавр.: есе) *написахомъ* на двою харатью 177; яко мы свѣщахомъ *напсахомъ* (на) харатью сию 187; и гостье да приносять (Лавр. -ить) грамоту пишюче сице яко *послахъ* корабль селько 61; и великии князь нашъ Игорь... и людье вси рустии *послаша* ны 37; и да будеть клятъ от б̃а и от Перуна яко преступи свою клятву 206; *договор 972* — се же имѣите во истину яко же *створихъ* нынѣ къ вамъ (и) *написахомъ* на харатьи сеи и своими печатьми *запечатахомъ* 29; якоже *кляхъ ся* ко цр̃мъ гречьскимъ 21.

Это частое употребление аористических форм особенно обращает на себя внимание ввиду того, что здесь соответственно оказываются редкими по употреблению формы перфекта: в договорах 907 и 972 гг. их совсем нет, в договоре 912 г. имеется лишь одна форма — суть якоже не (Ш.: яко понеже) мы *ся имали* о б̃жьи вѣре и о любви главы таковыя 25, в договоре 945 г. их 4 случая — ныне же *увѣдѣлъ естъ* князь нашь... 57, мы же елико насъ х̃р̃тли *ся есмы* кляхомъ ся 187, и елико ихъ кр̃щнье *приняли сутъ* да приимуть месть... 44, и аще створить (то же) грьчинъ русину да

приметь ту же казнь якоже *приялъ есть* и онъ 112. Можно вспомнить в связи с этим, что в Русской Правде, памятнике по сложению начала XI в., картина оказывается диаметрально противоположная: здесь совершенное отсутствие имперфективных форм, ничтожное количество аористических форм, которыми позволительно пренебречь, но соответственно почти сплошное пользование формами перфекта. Такое расхождение между памятниками, однородными по типу представляемого ими делового стиля языка, можно объяснить либо общим болгарским происхождением договоров, либо, признавая перевод договоров русским, предположением старейшинства по происхождению договоров сравнительно с Русскою Правдой, либо различиями социальных пластов, в недрах которых слагались, с одной стороны, тексты договоров, с другой стороны, Русская Правда (в первом случае — переводные памятники с отражением языка верхнего слоя старых книжников, во втором случае — оригинальный русский памятник, выросший в среде служилого среднего класса). Но правильнее считаться с возможностью совместного действия всех указанных факторов, именно в своем соединении давших столь разную характеристику по указанной черте договоров, с одной стороны, Русской Правды — с другой.

Любопытно различие договоров и Русской Правды в пользовании формами будущего простого. В договорах обычно образование этих форм сложением с глаголом *буду*. Употребление иных форм будущего времени, соединением с иными видами вспомогательного глагола, здесь совершенно спорадично. Таковы две формы в договоре 912 г. — а емуже *начнуть* не *яти* вѣры... 42, аще украденъ будеть челядинъ рускыи... и *жаловати начнуть* Русь 117, и один случай в договоре 945 г. — аще ли *хотѣти начнеть* наше цр҃тво от васъ вои... 172. В Русской Правде, напротив, именно формы будущего простого с глаголом *буду* являются спорадическими, уступая место, как норме, образованиям с иными вспомогательными глаголами, обычно с глаголом *начати*. Перед нами воздействие тех же факторов и, в частности, то же свидетельство разных социальных слоев, из которых произошли эти оба вида памятников.

Из области морфологии можно еще отметить единично представленную текстом договора 912 г., книжную, можно сказать, болгарскую форму *створшии* (да повинни будуть то *створшии* 96); в прочих случаях обычны в договоре соответствующие образования на — *ив(ъш)* (*погубившаго* 66, *сотворивыи* 48, 33, 58, *уря* (*ди*) *въ* 124).

Возвратные глаголы в договорах обычны в форме, при которой *ся* непосредственно следует за соответствующей невозвратной формой глагола.

В двух только случаях в договоре 912 г. попадаются примеры с раздельным, притом препозитивным, употреблением *ся* — суть якоже мы *ся имали* о бо҃жьи вѣре и о любви главы таковыя 25, а о главахъ иже *ся ключить* проказа урядим (ся) сице 39. В Русской Правде наблюдается относительно широкое употребление возвратной частицы *ся* при глаголах в свободном виде и препозитивно и постпозитивно.

В числе синтаксических черт следует отметить общую правильность выражения категории двойственного числа в показаниях договоров (912 и 945 гг.), как она и теоретически ожидается для старшей стадии языка.

Прямой объект в случаях выражения категориями слов муж. рода с значением одушевленности может означаться в договорах формой винительного падежа: договор 912 — и гостие (аще) погубиша *челядинъ* 120; или мниться над *нь* челядинаа цѣна 103; да поимуть (*и*) в Русь 119; *договор 945* — в҃ паволоцѣ за *челядинъ* 102; аще ли кто ускочить *челядинъ нашь* къ вамъ 104; аще ускочить челядинъ от Руси по *не* же (=по *нь* же) придуть в страну цр҃твия вашего и от ст҃го Мамы аще будеть да поимуть *и* 96, 122, 124, да убьють *и* 96, 105, 157. Но есть и пользование в соответствующих случаях формой родительного падежа: *договор 912* — хотя почти(ти) *цр҃я вашего* 107; договор 945 — *ненавидящаго* добра *враждолюбьца дьявола* разорити от многъ лѣтъ 34; да ищють *его* дондеже обрящются 161. Это пользование не винительным, а родительным падежом обязательно в тех случаях, когда во фразе и субъект и объект, выраженные именем или местоимением муж. рода, притом в значении одушевленном, находятся или рядом или по близости один от другого. Напр., в *договоре 912* — аще кто убьеть или *хрестьанина* русинъ или хрестьянинъ *русина* 46, *в договоре 945* — аще ударить мечемъ... русинъ *гръчина* или грьчинъ *русина* 165, аще убьеть хр҃тянинъ *русина* или русинъ *хр҃тянина* 154; ср. еще в том же договоре — аще ли от нея взыщеть кто что ли *чл҃ка* поработить 139. Отмечу один случай во фразе договора 912 г. — мы Русь допроводимъ *ихъ* (т. е. лодки) поздорову 116; здесь внешняя связь контекста требует под *ихъ* разуметь «лодки», но, очевидно, писавшие или переписывавшие договор имели в виду под «*ихъ*» живых владельцев лодки, почему и оказалась здесь в употреблении форма родительного падежа. Общая картина употребления родительного-винительного падежа прямого объекта от одушевленных существительных или местоимений в тексте договоров, как видно, неровна. Но материал не дает возможности определить, что в этой неровности принадлежит позднейшим писцам договоров и что первоначальному их тексту. Мог бы и вообще встать вопрос, не была ли в основном тексте договоров

всюду налицо (исключая тип — аще убьеть хрестьянин *русина*) лишь форма винительного падежа. Ср. подобное свидетельство в показаниях текста Русской Правды.

Употребление членных и нечленных форм в категории склоняемых слов по данным договоров носит вообще признаки древности. В функции чисто определяющей прилагательные, как норма, употребляются в членной форме. Отступления здесь вообще редки. В нечленной форме прилагательные употребляются: а) притяжательные или местоименного происхождения — о *бжьи* вѣре 912, на землю *чюжю* 912, *црву* мужю 945, сынъ *Игоревъ* 945, *скотья* ба 972, и под.; б) в функции второго члена сказуемого — да аще есть *домовитъ* 912, аще есть *неимовитъ* 912, да *повинни* будуть 945, да будеть *повиненъ* 945, будеть *достоинъ* 945, *достоино* есть 945, аще будеть *имовитъ*, аще ли есть *неимовитъ* 945, аще ли будеть *старъ* 945, и азъ буду *противенъ* ему 972; в) прилагательные в положении после местоимения — да проводимъ ю (т. е. лодку) сквозѣ всяко *страшно* мѣсто 912, аще кто... явѣ возметь что любо *дружне* 912, а еже что принеслъ будеть все *цѣло* 945; г) могут в нечленной форме употребляться прилагательные, стоящие в постпозитивном положении в прямых падежах — любовь *непреврашну* и непостыжиму, любовь *непреложну* 912, аще будеть уноша или дѣвица *добра* 945, ношаху сли печати *злати* и гостье *сребрени* 945, а некрщении Русь полагають щиты своя и мечѣ своѣ *наги* 196, ни на страну *болгарьску* 972. Отклонений в договорах от этой приведенной нормы всего два случая — да жалують *хртьяньску* цртву 912, и от *многъ* лѣтъ 945. Первый случай, собственно, может не считаться отступлением от нормы, так как здесь прилагательное имеет значение притяжательное. Второй пример — от *многъ* лѣтъ — не вполне ясен; ср. в договоре 912 г. чтение — от *многихъ* лѣтъ 14. Все сочетание в целом составляет переводный грецизм, и возможно употребление здесь нечленной формы объяснять результатом внешнего воздействия греческого оригинала. Отмечу в области местоимений колебания в договоре 912 г. форм такъ и такыи — *такую* любовь 19 и *таку* любовь 35, о *тацѣхъ* явленияхъ 42; здесь же при обычной членной форме местоимения *таковыи* (7 случаев) один раз попадается нечленная форма — идеже аще ключиться *таково* 135. В тексте договора 945 года последнее местоимение вообще отсутствует, местоимение же *такъ* и под. здесь употребляется лишь в нечленном виде — *кацѣмь* любо оружьемъ 164, увѣдять ины страны *каку* любовь имѣють грьци съ Русью 176, ци аще ключится проказа *никака* от грекъ 151, иже помыслить от страны руския разрушити *таку* любовь 44. Причастия с чистым определительным значе-

нием и в соответствующем препозитивном положении постоянно употребляются в договорах в членной форме. Только по одному случаю в договорах 945 и 972 гг. встретилось нарушение этой нормы — кляхомъся... *предлежащемъ* чт҃нымъ кр҃томъ 188, хочю имѣти миръ и *свергшену* любовь съ... 9. Ничто не препятствует эти формы, за их единичностью, признать формами, обязанными переписчикам, и не возводить их к основному оригиналу договоров. Причастия в нечленной форме постоянны в функции второго члена сказуемого как при связочных глаголах (напр., в формах страдательного залога), так и в соединении с глаголами иного типа. Ср. из случаев последнего типа в *договоре 912* г. — да *пребываетъ* тяжа отоле *невзыскаема* 62, *продаемы бываютъ* по... 114, *в договоре 945 г.* — иже *посылаемы бываютъ* от нихъ... 59, аще украденное *обрящется продаемо* 117. В нечленной же форме обычно употребление причастий в постпозитивном положении: *договор 912 г.* — любовь непревратну и *непостыжиму* 34; *договор 945 г.* — а иже преступить се от страны нашея ли князь или инъ кто ли кр҃щнъ или некр҃щенъ 192, аще обрящють Русь кубару *въверженну* на коемь любо мѣстѣ 137, аще обрящють... Русь корсуняны рыбы *ловяща* 143, аще ли *обрящються* Русь *работающе* у грекъ 126. От этой нормы, однако, есть отступления. В договоре 907 г. причастие в препозитивном положении содержится в нечленном виде — *приходяще* Русь да витають у ст҃го Мамы. В этом случае, однако, следует предполагать подновленную искусственную форму причастия, так как именно в договоре 907 г., в отличие от последующих договоров, в данном типе почти адвербиального употребления причастной формы здесь нормальна форма на *-чи*: *погодучи* Русь (домовь)... да емлють..., да *приходячи* Русь слебное емлють, елико *хотячи*, а иже *приходячи* гостие... емлють мѣсячину; ср. еще исправленное по Ипатьевскому и другим спискам место — да творять куплю... не *платяче* мыта ни в чем же (в Лаврентьевском списке очевидная порча текста: *платити*). Имеются, и в относительно большем количестве случаев, отклонения обратного типа — с употреблением причастий в постпозитивном положении в членной форме: *договор 912* — равно другаго свѣщанья *бывшаго* при... 4, удержати и извѣстити такую любовь *бывшюю* межи... 19; *договор 945* — равно другого свѣщанья *бывшаго*... 8, да аще ключится проказа никака отъ грекъ *сущих* подъ властью ц҃рства нашего 151; *договор 972* — о тѣхъ самѣхъ *прежереченыхъ* 23. Эти отклонения, однако, как видно из приведенного контекста, искусственны и происхождением своим обязаны базе греческого оригинала с употреблением в нем в соответственных местах члена. Любопытно колебание в показаниях договоров 912 и 945 гг.

следующего места: мы... иже *послани* отъ Олега — в первом договоре; во втором же договоре, в аналогичном контексте, употреблена членная форма причастия — мы... *послании* от Игоря. Здесь, можно думать, перед нами иллюстрация двух разнородных течений, одного, отправлявшегося от указанной русской нормы соответственного употребления членных и нечленных причастных форм, и другого (контекст договора 945 г.) — искуственного, продиктованного греческим оригиналом.

Причастия, употребляющиеся в современном адвербиальном значении, имеют в договорах нечленную форму. При отношении к субъекту в ед. числе причастие оканчивается на *-я* (наст. вр.) и *-въ* (прош. вр.), соединяясь с подлежащим, выраженным собирательным именем или именем существительным в форме мн. числа, причастие оканчивается соответственно на -ще и -(в)ше: *договор 907* — *приходяще* Русь да витають у сто Мамы; *договор 912* — и ятъ будеть таковыи и възвращенъ будеть не *хотя* в Русь 133, наша свѣтлость... многажды право судихомъ... *кленшеся* оружьемъ своимъ 22, аще ли есть неимовитъ сотворивый убои и *убѣжавъ* да держиться тяжи 53, аще кто умреть не *уря(ди)въ* своего имѣнья 124; *договор 945* — *входяще* же Русь въ градъ (да не творять пакости) 85, и ти *принимающе* харатью на роту идуть 183, аще ли *убѣжавше* в Русь придуть 68, а опроцѣ да на роту ходить по своей вѣре яко не *имѣя* ничтоже 171. В одном случае — наша свѣтлость болѣ инѣх *хотящихъ* еже о сѣ удержати... 18 — в приведенном чтении Лаврентьевского списка причастная форма ошибочно согласована с соседней местоименной формой инѣхъ; в основном оригинале, конечно, стояла форма *хотяще* (не *хотящи*, как ее восстанавливает Шахматов).

Обращает на себя внимание отмеченная выше черта договора 907 г. с употреблением здесь причастных форм в адвербиальном значении не на *-ще*, а на *-чи* (при отношении к субъекту, стоящему во множ. числе или выраженному собирательным именем). В тексте договора 912 г. подобные формы отсутствуют. В договоре 945 г. встречается одна данного типа форма — и гостие да приносять грамоту *пишюче* сице 60. Судя по тому, что обилие этого типа форм характеризует лишь договор 907 г., который не есть собственно договор, а лишь изложение отдельных договорных пунктов от лица летописца, можно думать, что все эти формы на *-че*, *-чи* не содержались в основном тексте договоров, а принадлежали позднейшей руке летописца, позволившего себе в непосредственном изложении от своего имени договора под 907 г. широко воспользоваться этими формами, в прочих же договорах оставившего текст вообще в нетронутом, имевшемся от прежней поры, виде.

Причастия входят еще в состав оборота дательного самостоятельного. Здесь они, употребляясь препозитивно, согласно с отмеченной выше нормой для стоящих препозитивно адъективных и причастных образований, постоянны в членной форме:

договор 907 — да запрѣтить князь сломъ своимъ *приходящимъ* Руси здѣ да не творять пакости въ селѣхъ въ странѣ нашеи; *договор 912* — многажды от коеа любо страны *пришедшимъ* Руси и *продаемымъ* в хрестьяны 111 (в Лавр. списке порча в тексте: множаиши... в Русь...); *договор 945* — *приходящимъ* имъ да витають у сто Мамы 74, *отходящеи* Руси отсюда взимають от насъ еже надобѣ 91.

Из иных синтаксических явлений следует отметить нормальное согласование в договорах по мн. числу существительных собирательных, в частности слова *Русь*. Ср. *договор 907* — да приходячи Русь слебное *емлють*, *приходящимъ* Руси здѣ...; *договор 912* — си вся да *створять* Русь гре комъ 134, о *взимающихъ* куплю Руси 129; *договор 945* — аще *придуть* Русь бес купли да не взимають мѣсячна 70 и мн. др. Отклонения здесь очень немногочисленны, отчасти сомнительны, отчасти явного позднего происхождения на почве позднейших списков договоров. Ср. в примере из договора 945 г. — *отходящеи* Руси отсюда *възимають* от нас... 90 — разноречивое согласование причастной формы *отходящеи* со словом Русь по ед. числу, но глагола *възимають* по правильной норме — по мн. числу. В этом же договоре читается фраза: аще *обрящеть* в вустье Днѣпрьскомь Русь корсуняны рыбы ловяща 141. Это — чтение Лаврентьевского списка. Но в показаниях Радзив. и Акад. списков содержится форма *обрящють* (вм. *обрящеть*), очевидно, восходящая к первооригиналу. Можно еще привести один случай в договоре 972 г. — и со мною боляре и Русь *вся* 22; но здесь возможно ожидать местоимение и в форме ед. (*вся*) и в форме мн. (*вси*) числа. Большое число случаев нормального употребления в соединении со словом Русь мн. числа (свыше 20 примеров) при этом ничтожном количестве кажущихся нарушений нормы позволяет предполагать выраженное в основном оригинале договоров употребление во всех подходящих случаях мн. числа.

Всем договорам свойственна черта с повторением одинаковых союзов или одинаковых предлогов при однородных членах предложения: *договор 907* — да емлють хлѣбъ *и* вино *и* мясо *и* рыбы *и* овощем, да емлють брашно *и* якори *и* ужа *и* парусы *и* елико имъ надобе; *договор 912* — к вамъ Лвови *и* Александрови *и* Костянтину II, *по* вѣре и *по* закону нашему 24, *о* хр̑тьанехъ *о* полоненыхъ 112, и др.; *договор 945* — послании *от* Игоря великого князя рускаго *и от* всякого княжья *и от* всѣхъ людии руския земля 30, створити

любовь *съ* самѣми цр҃и *со* всѣмь болярьствомъ *и со* всѣми людьми гречьскими 41 и др.; *договор 972* — хочю имѣти миръ и свершену любовь *с*... великимъ цр҃мъ гречьскимъ *съ* васильем и костянтиномъ и *съ* бо҃дохновеными цр҃и *и со* всѣми людьми вашими 9 и др.

Связь предложений во всех договорах выражается в духе памятников старой болгарской письменности. Во всех договорах обычны союзы аще, аще ли, ѥко, ѥко же, елико, или еще, по договорам 912 и 945 гг., — дондеже, егда, не точию но и. Отмечу в договоре 912 г. как грецизм союз еже в сочетании с инфинитивом — *еже* о бозѣ удержати 18. В договоре 945 г. единично союз еже встречается в условном значении — и *еже* что принеслъ будеть... 106. Здесь же дважды встречается союз *оже*, в этой русской внешней огласовке, с временным значением — и от тѣхъ да увѣмы и мы *оже* съ миромъ приходять 62, а о сихъ *оже* то приходять чернии болгаре... 147. Интересно усилительно-противительное *ти* и *ци*, известное договорам 912 и 945 гг.: в первом договоре — *ти* аще ключится... 87, аще кто умреть не уря(ди)въ своего имѣнья *ци* своихъ не имать... 125; в договоре 945 г. *ти* аще будеть уноша или дѣвица добра... 121, а опроцѣ да на роту ходить по своеи вѣрѣ... *ти* тако пущенъ будеть 171, *ци* аще ключится проказа никака от грекъ 150, *ци* аще ударить мечемь или... 163. Повидимому в этой черте можно усматривать русскую особенность в тексте договоров. В договоре 912 г. употребляется *иже* в функции союзного слова без согласования с соответственно определяемым — да кленется часть та *иже* ищеть неятью вѣры 43 (в своем восстановлении Шахматов исправляет на яже), да часть его сирѣчь *иже* его будеть по закону да возметь ближнии убьенаго 50; это иже обязано греческому тексту, ср. аналогичный еще пример из того же договора — мы же кляхомъся ко цр҃ю вашему *иже* от б҃а суща 142 (в исправлении Шахматова: сущю). Отмечу еще из того же договора иже в чистом союзном значении, подобном выше указанному еже: а о главахъ *иже* ся ключить проказа урядим(ся) сице 39.

Из особенностей управления в тексте говоров, обязанных в своем большинстве греческим оригиналам, можно отметить употребление *отъ* после глаголов в форме страдательного залога: мы... иже послани ѿ Олга, мы... послании *от* Игоря — договоры 912 и 945 гг., иже посылаеми бывають *от* нихъ (посли) и гостье — договор 945, да покажется таковое *от* челядина — договор 912, да держимъ будеть створивыи убииство *от* ближнихъ убьенаго — договор 945. Глагол *клятися* управляет дательным падежом лица в соединении с предлогом *къ*: мы же *кляхомъ ся ко* цр҃ю вашему — договор 912, яко же *кляхъся* ко цр҃мъ гречьскимъ — договор 972. У этого же

глагола согласно тексту договора 945 г. оказывается двойное управление с творительным падежом вещи и с местным падежом в соединении с предлогом *о*: да *клянутся о* всемь яже суть написана на харатьи сеи 197, *кляхомъ ся цр҃квью* ст҃го Ильѣ 187. Глагол *воевати* сочетается с местным падежом при помощи предлогов *на* и *въ*: да *воюетъ на* тѣхъ странахъ — договор 945, *воюетъ въ* странѣ — договор 945. Глагол *сътворити* в договоре 972 г. сочетается с дательным падежом лица в соединении с предлогом *къ* — се же имѣите во истину яко же *створихъ* нынѣ *къ* вамъ 29.

Бессубъектные предложения в договорах представлены в относительно большом числе и обнимают следующие типы:

а) относительно-бессубъектные предложения с глаголом, выраженным формою 3 лица мн. числа: и после(ть) цр҃ство наше и да *испишуть* имена их и тогда возмуть мѣсячинное свое — договор 907; в договоре 945 г. — а отходячи (с) посломъ цр҃тва нашего да *допроводять* к великому князю рускому Игореви и к людямъ его 180; особенно интересен здесь следующий случай: а иже преступить се... да не *имуть* помощи от ба҃ 191, — Радзив. и Акад. список дает здесь чтение имать, т. е. глагол в личной форме, представляя соответственно личную конструкцию предложения;

б) те же предложения с глаголом в форме 3 л. ед. числа: имеется единичный пример в договоре 912 г. — да продають рухло моя ладьи и аще что *можетъ* продати от ладьи... 90.

в) бессубъектные предложения с глаголом возвратного и невозвратного типа, выраженным формою 3 л. ед. числа: *договор 912 г.* — аще *лучится* кому... 94, жена убившаго да имѣеть толицѣмже *пребудеть* по закону 52; *договор 945 г.* — аще ли *ключится* украсти русину от грекъ 113, *достоитъ* ему да возьметь цѣну свою 129;

г) те же предложения при страдательном обороте — яко же *речено есть* — договор 912, от тѣхъ *заповѣдано* обновити ветхии миръ — договор 945, яко же имъ *уставлено есть* там же (3 сл.), *писано* при Феофиле синкеле — договор 972;

д) бессубъектные предложения, выраженные формой прилагательного со связкой: в договоре 945 г. — яко имъ *любо* тако створять, *достоино есть* да възворотити е;

е) бессубъектные предложения, выраженные формою инфинитива: договор 912 г. — да опроцѣ да ротѣ ходить своею вѣрою яко никакоже иному *помощи* ему 61;

ж) бессубъектные предложения при наречиях: *договор 907* — елико имъ *надобѣ*, ꙗко имъ *надобѣ*; договор 912 г. — да елико *явѣ будетъ* 40, елико

ихъ *приидетъ* 108; *договор 945* — и да творять куплю яко же имъ *надобѣ* 82, и... взимають от насъ еже *надобѣ* брашно на путь и еже *надобѣ* лодьямъ 91, *елико* же *есть* городовъ на тои части 131, да дамъ ему *елико* ему *будетъ требѣ* 136; *договор 972* — *елико есть* под властью гречьскою 16, *елико есть* городовъ ихъ 17.

Наибольший интерес в исследовании языка договоров представляет исследование их лексики. Договоры являются безусловными памятниками переводного, с греческого языка, происхождения. В этом смысле результаты, к которым пришел в свое время Лавровский, должны признаваться бесспорными. В своем исследовании Лавровский отметил значительные пласты в тексте договоров, которые должны рассматриваться как слой, обязанный греческой основе этих памятников. Наше время, благодаря последовавшей вслед за деятельностью Лавровского разработке русского языка, в состоянии указать тем больший слой грецизмов в тексте договоров сравнительно с тем, как вскрыт он был исследованием Лавровского. Грецизмы договоров содержатся и в чертах синтаксического характера и в особенностях лексики договоров. Грецизмы свидетельствуются текстом всех, дошедших до нас, договоров. Поэтому все договоры должны признаваться как переведенные с греческого оригинала дипломатические акты. Для иллюстрации можно указать на следующие факты.

В области лексики из договора 907 г. можно отметить слово купля и в значении предмета торга (аще приидуть Русь бес *купли* да не взимають мѣсячины) и в смысле торга вообще (да творять *куплю* яко же имъ надобѣ), ср. греч. πραγματεία; сочетание цр̃ство наше в смысле «царь наш» (и после(ть) *цр̃ство наше* и да испишуть имена ихъ и тогда возмуть мѣсячинное свое), — то же в договорах 912 и 945 гг.; сочетания *творити* куплю, мовь, не *творити* пакости, — то же в договорах 912, 945 гг.

Особенно много грецизмов лексического характера в договоре 912 г: глава в значении деления, раздела чего-либо (суть о бо̃жьи вѣрѣ и любви *главы* таковыя 26; от уставленыхъ *главъ* мира и любви, и др.), греч. κεφάλαιον, κεφαλή; изволение (да любимъ другъ друга от всеа душа и *изволениа* 28, елико наше *изволение* 29); извѣща(е)ние (на *извѣщание* межи вами бывающаго мира 149, на удержание и на *извещение* от многихъ лѣтъ межи хрестианы и Русию бывшюю любовь 19), ср. здесь же *извещати* любовь, в договоре 945 г. — *извѣстити* любовь; искусъ в значении истязания, пытки (аще кто от кр̃тьянъ или от Руси мученья образомъ *искꙋ* творить 74), ср. греч. πεῖρα; любовь в значении мира, мирного договора = греч. ἀγάπη (суть... о *любви* главы таковыя 26, не преступити намъ... от уставле-

ныхъ главъ мира и *любви* 146, и др.), то же в договорах 945 и 972 г.; написание, писание в значении грамоты = греч. γράμμα (и таковое *написание* дахомъ цр҃ства нашего 146, исповѣдаемую и *написаниемъ* со клятвою извѣщаемую любовь 34, многажды право судихомъ... и *писаниемъ* и клятвою твердою 22), ср. в договоре 945 г. слово *грамота*, отсутствующее здесь, в договоре 912 г.; равно в значении списка = греч. ἴσον (*равно* другого свещанья), то же в прочих договорах 945 и 972 гг.; рука в выражении руку, руцѣ дати — в смысле «подчиниться», встречается в договорах 912 и 945 гг. (аще *дасть руцѣ* свои украдыи да ятъ будеть тѣмъ же у него же будеть украдено — договор 912 г., аще ли *руку* не *дадять* и противяться да убьени будуть — договор 945 г.); самодержець (великимъ о бз҃ѣ *самодержьцемъ*, цр҃мъ греческымъ 13); наша светлость в отношении к царю = греч. περιφάνεια, также свѣтлыи как эпитет князей = греч. περιφανέστατος, λαμπρότατος (напр., наша *свѣтлость*... многажды право судихомъ 19, подъ рукою *свѣтлаго* кн҃зя нашего 38, и др.); в прочих договорах нет этих слов; свѣщанье в значении договора = греч. συμβόλαιον (равно другаго *свещанья*), то же в прочих договорах 912 и 945 гг.; удержание = греч. ἐποχή (на *удержание* и на извещение); языкъ в значении народа = греч. ἔθνος (по закону *языка* нашего 153), то же в договоре 972 г. (ни сбираю вои ни *языка* 14). Среди имен прилагательных можно отметить как возникшую на базе перевода лексику — любовь *непревратну* и *непостыжиму*, любовь *несоблазную непреложну*, из глагольных образований — частые формы *сущий*, *бывающий*, *бывшии* = греч. ὤν, γινόμενος (иже суть подъ рукою его *сущихъ* Руси 17, 29, *бывшии* миръ сотворихомъ 137, *бывающаго* мира 149, и др.); из этих форм в единичных примерах встречаются в договоре 945 г. причастия сущии и бывшии; ср. еще примеры глагольной лексики — предлежащии (*предлежащимъ* чт҃нмъ кр҃тмъ 139, — то же в договоре 945 г.), прежереченныи (*прежереченною* епитемьею 96, — то же в договоре 972 г.), работати в значении греч. πραγματεύεσθαι (о *работающихъ* в грекохъ Руси 123, — то же в договоре 945 г.), сотворити убиистьво, мир, татьбу, искусъ (то же в договоре 945 г.), право судити = греч. δίκαιον κρίνειν (иногажды... *право судихомъ* 21) и др. В договоре 945 г. кроме указанных выше случаев можно еще отметить следующие примеры грецизмов: существительное власть (волость) в значении «право» (в сочетании «да не имать, да не имѣють власти (волости)» с инфинитивом — да не *имѣють власти* зимовати у с҃тго Мамы 94, 144, да не *имать волости* князь рускии... 132, и др. под. 87, 152), также в смысле «подвластности, подчинения» (под *властью*

цр҃тва нашего 152, — то же в договоре 972 г.), в последнем случае в договоре 912 г. употребляется сочетание подъ рукою (иже суть *подъ рукою* его сущихъ Руси и др.); грѣхъ в значении проступка вообще (аще ударить мечемъ... русинъ грьчина или грьчинъ русина да того дѣля *грѣха* заплатить сребра литръ е҃., 166); спасение в смысле «безопасности» (и да возъвращаются съ сп҃ниемъ въ страну свою 93); интересен еще, ведущий к греческому же оригиналу, глагол увѣдѣти в сочетании с инфинитивом — в значении «повелеть» (нынѣ же *увѣдѣлъ есть* князь вашь посылати грамоту ко цр҃тву нашему 56). Из договора 972 г. можно привести имя существительное власть в значении страны, области (ни сбираю вои ни языка ни иного приведу на страну вашю... ни на *власть* корсуньскую 17).

Помимо лексики, как таковой, понятной как возникшей на базе перевода с греческого оригинала, в тексте договоров в одних в большей, в других в меньшей степени — наблюдаются случаи синтаксических нарушений или известного синтаксического несогласования отдельных частей фразы, объяснимых теми же условиями переводного происхождения договоров. Особенно много (сравнительно) фактов этого рода в тексте договора 912 г., изобилующего по сравнению с прочими договорами и грецизмами лексического характера, в чем можно было убедиться из приведенного выше материала. Ср. здесь разнобой в согласовании с самого начала текста договора — равно другаго свещания бывшаго *при тѣхъ же и҃рѣхъ Льва и Александра*; этого же характера нарушение согласования, объясняющееся из вербального, слово за словом, перевода греческого контекста, встречаем и в договоре 945 г.: равно другога свѣщанья бывшаго *при и҃ри Романѣ и Костянтинѣ и Стефанѣ х҃олюбивыхъ влдкъ*. Иные примеры подобного рода синтаксических грецизмов в тексте договора 912 г.: ... *на удержание и на извещение* от многихъ лѣтъ межи хрестианы и Русью *бывшюю любовь* (последний винительный падеж соответствует прямому дополнению греческого текста, зависевшему от переходных глаголов, переданных в переводе посредством существительных «удержание», «извѣщение»); *на утвержденье же и неподвижение быти* межи вами хр҃тьяны и Русью бывшии миръ сотворихомъ; и таковое написание дахомъ на *утвержение* обоему *пребывати* таковому совещению.

Отмечу еще примеры разнобоя с употреблением конструкций однородных членов предложения: *в договоре 912 г.* — *похотѣнiемъ* нашихъ великихъ кнзь и *по повелѣнию* от всѣхъ иже суть подъ рукою его сущихъ Руси; *в договоре 945 г.* — да посѣчени будуть *мечи своими от стрѣлъ* и *от иного оружья своего* 50.

Греческая лексика, оставленная в тексте договоров без перевода, не так в общей своей совокупности численна. Почти отсутствует соответствующая лексика в отрывках договора 907 г. (ср. здесь лишь слово парусъ). В незначительном по своему объему договоре 972 г. мы находим лишь подходящую лексику терминологического характера — индиктъ, июль, синкелъ, харатья, цр҃ь. Более интересны соответственные показания договоров 912 и 945 гг., договоров значительных и приблизительно одинаковых по объему. Изобилующий вообще грецизмами переводного характера, как об этом замечено выше, договор 912 г. сравнительно мало оставляет греческих слов без перевода. Если не считать здесь таких слов, как цр҃ь, хрестьанъ, литръ, то осталось бы указать лишь на одно непереведенное слово епитемия в общем значении «запрещения» (да повинни будуть то створшии прежереченною *епитемьею* 97). Напротив, договор 945 г., относительно хорошо переведенный и в редких случаях обнаруживающий рабское следование своему оригиналу, дает соответственно большее количество оставленных без перевода греческих слов. Ср. здесь, помимо таких слов, как цр҃ь, литръ, харатья, дьяволъ, еще слова грамота (58, 60, 63), в соответствии с которым договор 912 г. употребляет слова написание или писание, слова корабль (54, 61) и кубара (137), в соответствии с которыми в договоре 912 г. во многих случаях употребления этой лексики постоянно оказывается существительное ладья, между прочим, встречающееся в тексте договора 945 г. лишь единично.

В лексическом исследовании договоров должно представить интерес изучение в них русского и книжного болгарского слоя. Договоры 907 и 971 гг., незначительные по объему, не дают особенно показательного соответствующего материала. Болгарский слой здесь и там вообще значительный. Выше отмечено было общее преобладающее наличие в договорах союзов болгарского происхождения. Неполногласные и полногласные образования в договоре 907 г. представляют следующую картину: с одной стороны, здесь встречаем слова — брашно, в странѣ нашеи, с другой стороны — одними вороты. Слово градъ // городъ употребляется здесь в полногласной форме в отношении к русскому городу Киеву (от *города* Киева), но в неполногласной, болгарской, форме, когда речь идет о Константинополе («Царьграде») — да входять в *градъ* одними вороты, или о городах вообще (и прочихъ *градъ*). В договоре 972 г. встречаем в болгарском обличии слово власть (на *власть* Корсуньскую, подъ *властью* гречьскою), страна (на *страну* вашю, на *страну* болгарьску), но с полногласием — формы городъ (и елико есть *городовъ* ихъ), золото (да будемъ колоти яко *золото*). Отмечу еще форму

одними (вороты) в договоре 907 г. с русскою огласовкою начального гласного. Здесь же, в договоре 907 г., как указано выше, представлены в обилии русские деепричастные формы на -чи, вообще почти отсутствующие в тексте прочих договоров, знающих соответственно лишь причастные формы на -щ-.

Значительный материал, притом в известных линиях взаимно противоположный, по соотношению русских и болгарских элементов, представляется лексикой договоров 912 и 945 гг. В договоре 912 г. силен элемент болгарский при незначительном русском слое; в договоре 945 г. болгарский элемент ощутим, но в заметно разреженном виде, зато заметно дает в нем себя знать русская стихия, не бросаясь вместе с тем в глаза своею сгущенностью. В области имен существительных обращает на себя внимание наличность громадного количества отвлеченных образований на -ие в договоре 912 г. (боронение, бьенье, бжье зданье, изволение, извещение, имѣние, искушенье, мученье, написание, неподвижение, неятье, свѣщанье, согрѣшенье, создание, сохранение, ударение, удержание, утвержение, явление), в договоре 945 г. этого типа существительных значительно меньше, доходя почти до одной трети (бещинье, имѣнье, крщнье, осуженье, повелѣнье, свѣщанье, спасение), — перед нами явное свидетельство отражения с неодинаковою силой болгарского воздействия в тексте одного и другого говора. Болгарский по происхождению суффикс -ьство представлен в обоих договорах именем существительным убииство, а кроме того, в договоре 945 г. — словом болярьство, ср. еще здесь црствие. Обращает на себя внимание употребление в обоих договорах первого имени существительного. Оно встречается здесь в статье одного содержания. В договоре 912 г. соответствующее место читается: аще кто убьеть или хрестьанина русинъ или хрестьянинъ русина, да умреть идеже аще сотворить *убииство*; аще убѣжить сотворивыи *убииство* да аще есть домовитъ да часть его... возметь ближнии убьенаго. Далее в тексте следует — аще ли есть неимовитъ сотворивыи *убои* и убѣжавъ да держиться тяжи дондеже обрящеться и да умреть. Таким образом, в контексте договора 912 г. в одном и том же значении сначала дважды употреблено болгарское слово убииство, а в дальнейшем изложении статьи его русский эквивалент — слово убои. Замечательно что то же свидетельствуется текстом договора 945 г., в котором сначала также слово приводится в болгарской форме (аще убьеть хѣянинъ русина или русинъ хѣянина и да держимъ будеть створивыи *убииство* от ближнихъ убьенаго да убьють и), в продолжении же статьи оно заменено словом убои (аще ли ускочить створивый *убои* и убѣжить аще будеть имовитъ да возь-

муть имѣнье его ближьнии убьенаго аще ли есть неимовитъ и ускочить же да ищють его дондеже обрящется аще ли обрящеться да убьенъ будеть). Из этого факта нельзя не заключить о существовании текстуальной связи между договором 912 и 945 гг. Из иных показателей болгарского слоя в тексте обоих договоров можно отметить, в группе имен существительных, образования с суффиксом *-зн-*. Таковы — слово соблазнъ в договоре 912 г., казнь — в обоих договорах. В категории прилагательных о болгарском воздействии свидетельствуют сложения в роде — непревратну, непреложну, единосущною трцею в договоре 912 г., хълюбивыхъ в договоре 945 г. Ср. еще в договоре 912 г. сложение с префиксом без-: бесстрашное мѣсто 82. В характеристике местоимений выше указаны случаи как бы окаменелости формы иже, не согласующейся с определяемым словом. Эта особенность свойственна только договору 912 г. Выше отмечены также случаи употребления местоимения такыи, в членной форме, при соответственных нечленных формах в договоре 945 г., также — наличность местоимения таковыи, отсутствующего в тексте договора 945 г. Следует указать на аналогичные формы от местоимения *тъ*, известные лишь тексту договора 912 г. (да отдасть *тое* еже смѣ створити 72, за *то* ударенье и бьенье 567, да повинни будуть *то* створшии 96). В отношении глагольной лексики ср. в обоих договорах болгаризм въспятити (аще кто явѣ возметь что любо дружне да *воспятить* троичи — договор 912 г., да *въспятять* и опять — договор 945 г.), в договоре 945 г. сложения с префиксом из- (в значении выделения из чего-либо) — да *изищется* смерть ихъ от князя 67, да *искупають* е Русь 127, *исходять* 82, да *испишеть* имяна ваша 75, то же в договоре 912 г. — да *изпишуть* имена ихъ и тогда возмуть... В последнем договоре, напротив, единично встречается аналогичное образование, но с соответствующим русским префиксом вы-: аще *выверженa* будеть лодья вѣтромъ великимъ 76. Среди наречных форм в обоих договорах пестрят болгарские образования: в договоре 912 г. — *многажды* право судихомъ 20, паче 68, сирѣчь 49, явѣ 40, 75, в договоре 945 г. — вельми 110, воину 201, преже 98, 102, селико 60, сугубо 111, 117, елико ему будеть требѣ 136, в том и другом договоре — опроцѣ, сице; но ср. в договоре 912 г. дважды паки, то же в договоре 945 г., где, однако, встречается и вариант его (русский?) — опять 106. В отношении болгарского наслоения в части союзных слов сказано выше. Употребление неполногласных и полногласных форм в обоих договорах характеризуется следующими данными. В тексте договора 912 г. преобладают неполногласные формы: из имен существительных — аще въ кое *время* 108, *глава*

в переносном значении (26, 146), *сохранение* 32, *страна* 6 сл., ср. *сребро* 57; из глаголов — *возвратити, -ся* 5 сл., да *хранитъ* таку любовь 35; в сложениях с префиксами пре-, пред- — *непревратну* 24, *непреложну* 38, *пребы(ва)ти* 3 сл., *преступити* 144, *предлежащимъ* чтнмъ крт҃мъ 139. Этой лексике противостоят полногласные формы в следующем виде: *золото* 114, *полонеными* 110, 113, *полоняникъ* 97, единично *сторона* (да възвратять искупное лице въ свою *сторону* 101), ли от буря или земнаго *бороненца боронима* 84, *волочимъ* 91, *поздорову* 26. В тексте договора 945 г. значителен болгарский слой неполногласной лексики, но относительно широко употребление и русской полногласной лексики. Ср. здесь *брашно* 91, *враждолюбица* 34, *плѣньникъ* 127, *хранити* 6 сл., *страна* 93, *плѣнена* 120, ср. *сребро* 166, *сребрени* 57, сложения с пре-, пред- — *преданы* будуть 64, *преобидять* 138, *преступити* 4 сл., *предлежащемъ* чтнмъ крт҃мъ 189, ср. *преже* 98, 102; с другой стороны, колеблющиеся формы — *власть* 5 сл. и 2 случая *волость* (да не имать *волости* 87, 132), единично *градъ* (т. е. Константинополь) 86, но в 5 случаях *городъ* (из них в одном случае в отношении Константинополя), печати *злати* 56, *златникъ* 3 сл., но также в 2 случаях *золотникъ*, *возвращаются* 93, но — *възворотити* 115; в одной полногласной форме здесь представлена лексика — *вороты* 80, *паволока* 3 сл., образования от собственных имен — *Володиславль, Передъславинъ*. Из иного материала интересующей лексики можно отметить образования с начальным *е*, не с *о*, в тексте договора 912 г. — *единосущною* трцею, *единого*; в договоре 945 г. имеется этого же типа форма *едино* 115, но и — *одиньми* вороты; ср. еще здесь подобную форму — *осень* 146. Отражение в договорах лексики с русским *ч* соответственно болгарским вариантам с *щ* за немногочисленностью подходящего материала непоказательно. Ср. в договоре 945 г. — *обычии* сли 12, *хочеть, хочю* в договорах 945 и 972 гг.; ср. сказанное выше о деепричастных формах на -чи в договорах 907 и 945 гг. Но обращает на себя внимание наличие в договорах выдержанных форм в подходящей лексике с *ж* при полном отсутствии соответственных вариантов слов в болгарском обличии, с *жд*: *в договоре 907 г.* — *нужи* 117, *утвержение* 3 сл., *обряжение* 127, *чюжю* 77, *прежереченною* 96, *межи* 4 сл., в *договоре 945 года* — *осуженья* 46, *межю* 35, *преже* 98, 102; *в договоре 972 года* — *утвержаю, прежереченныхъ*. Столь выдержанное проведение этой черты очень показательно. Не может быть сомнения в том, что отнюдь не писец, последний ли, или предшествующих списков, летописи выравнял всю подходящую лексику в тексте договоров, проведя всюду соответственные варианты слов с *ж*, но — эта черта,

наличие лексики всюду с *ж*, составляла особенность первооригинала договоров. Если это положение верно, если его принять, то пришлось бы принять и два другие предположения — о том, что переводчик договоров, или их справщик, был русский, и о том, что перевод принадлежал старшей поре существования русского литературного языка, той поре, когда болгарское на него воздействие не обозначилось еще в широких дозах, когда, в частности, болгарский слой лексики с *жд* не произвел заметного вытеснения соответственной параллельной русской лексики с *ж*. Ср. Русскую Правду, памятник старшего периода жизни литературного русского языка, до времени заполонения его болгарской стихией: в нем также полностью отсутствует лексика с *жд*.

Предложенный анализ языка договоров позволяет прийти к известным обобщениям, к попытке, в частности, освещения тех общих проблем, вызываемых договорами, которые, как об этом говорилось в начале статьи, предположительно разрешались, но не могут еще считаться получившими действительное разрешение.

И исторические данные, и соображения, извлекаемые из содержания первых трех, дошедших до нас договоров (907, 912, 945 гг.), заставляют признать самостоятельными из них лишь последние два договора. В 907 г. не было никакого соглашения между Византией и русскими, не могло быть поэтому и соответствующего письменного договорного акта от этого времени. То, что мы имеем в виде так наз. договора 907 г., есть по соображениям летописца внесенные под этим годом выдержки из соответственного договорного акта 912 г. Эти выдержки, в числе 7 отдельных статей договора, подверглись известной внешней выправке со стороны летописца (ср. здесь именно, в договоре 907 г., деепричастные формы на -чи) именно потому, что в глазах летописца они служили примерным материалом для вольной его передачи; вводя ниже в свой труд тот или иной в собственном смысле договор, летописец позволял себе опускать отдельные статьи, делать в них сокращения, но основной текст договора при этом сохранял более или менее неприкосновенным. Договоры 912 и 945 гг. (как и договор 972 г.) — самостоятельные акты соответственного соглашения между русскими и греками. Текстуально договор 912 г. неполный: в нем нет статей, вынесенных летописцем в своем повествовании под 907 г., в нем нет и некоторых иных статей, неизвестно по каким соображениям отчасти полностью опущенных летописцем, отчасти сокращенных им, или отмеченных лишь по заглавию. В отношении исправности самого текста договор 912 г. — наихудший из всех дошедших договоров. Причиною этого, несомненно, были

свойства плохого перевода данного договора. Можно высказать предположение, не эта ли причина и заставила летописца поступиться отдельными частями договора, вовсе им выброшенными или сокращенными из-за неудовлетворительности их контекста. Можно также думать, что именно этим свойством плохого перевода договор обязан многими повреждениями в тексте, возникшими в процессе списывания из-за непонимания писцами отдельных мест контекста договора. Договор 945 г. — самостоятельный и цельный договор. Подоснова греческого его оригинала сложна и проблематична. Во всяком случае канвою договора служил предшествующий соответствующий договор 912 г. Этим должно объяснять близость по содержанию статей одного и другого договора. Но следует, кроме того, предполагать и существование какой-то текстуальной связи между обоими договорами в наличном их переведенном виде. Ср. последовательное чередование в одной и той же статье обоих договоров слов убиство — в начальных разделах статьи и убои — в заключительном разделе статьи. Невозможность по соображениям, излагаемым ниже, усматривать наличность одного переводчика для обоих договоров 912 и 945 гг. заставляет в объяснении приведенного факта думать об одном справщике, выравнившем перевод одного и другого договора, сгладившем, в частности, и контекст данной статьи в обоих договорах.

Вопрос о том, когда были переведены договоры и на какой язык, болгарский или русский, — является наиболее существенным вопросом для историков русского языка: имеем ли мы, действительно, право считать эти памятники памятниками собственно русского языка, или перед нами памятники болгарские, которые, попав в летопись и здесь оказавшись под пером русских переписчиков, естественно лишь внешне руссифицировались. Разрешение этого вопроса вряд ли возможно получить на основе каких-либо общих, исторических или теоретических, соображений. Только лингвистическое исследование непосредственно текста договоров смогло бы дать то или иное разрешение поставленного вопроса, в противном случае вопрос остался бы вообще неразрешенным. Мы имеем попытку иного разрешения этого вопроса, не из учета лингвистического материала самых договоров. Такова, указанная выше, попытка акад. В. М. Истрина установить время появления договоров по связи с деятельностью переводческого кружка, организованного Ярославом Мудрым. С этой точки зрения договоры должны считаться переведенными в одно время, во 2-й половине XI в., т. е. спустя 100—150 лет после фактического заключения соответствующих дипломатических актов. Язык всех договоров должен признаваться одним це-

лостным языком — литературным русским языком того времени, совмещавшим в себе и стихию болгарскую и стихию русскую. Сделанный выше анализ языковых особенностей договоров не подкрепляет этой гипотезы.

Бесспорно положение, что все договоры были переводными памятниками с греческого языка. Столь же бесспорным должно быть положение, что язык переводов отдельных договоров неодинаков. Можно оставить в стороне договор 907 г. как в собственном смысле не договор, также договор 972 г., за незначительностью его объема. Основные два договора — 912 и 945 гг. — должны быть рассматриваемы как два разные памятника, как продукты двух разновременых переводов, как свидетельство двух разнящихся языковых стихий, которые они отображают. Перевод договора 912 г. — неискусный, очень близкий к оригиналу, пестрит грецизмами всякого вида, обилен соответственно и нарушениями требований русского синтаксиса. Договор 945 г. переведен более умелою рукою, более удобопонятен, не так заполонен грецизмами, относительно мало грешит в интересах русского синтаксиса. Трудно было бы согласиться с мыслью, что оба эти перевода могли быть современными, а тем более одновременными. Трудно было бы допустить предположение, чтобы редактор Повести временных лет, компонуя свой труд на основе разных источников, и старых и современных, так безучастно отнесся к своим редакторским обязанностям, что механически включил в летопись как с о в р е м е н н ы е два диаметрально по качеству противоположные перевода договоров 912 и 945 гг., не забраковав первого из них: он мог их поместить рядом в составе летописи именно как нечто доставшееся от прежних времен, как готовые документы прошлого. Оба договора отличаются и по типу языка, ими представляемого. Договор 912 г. насквозь пропитан болгаризмами, хотя есть в нем и следы русских особенностей (ср. отсутствие *жд*). Договор 945 г. содержит смешение болгарской и русской стихии, но такое, в котором черты русского происхождения дают себя чувствовать достаточно широко (ср. случаи с начальным *о*, не *е*, полногласные формы, лексику с *ч*, не *щ*, отсутствие *жд*, особенности лексики). Нельзя поэтому было бы думать, что перевод обоих договоров сделан был на один и тот же старый русский язык: слишком этот язык переводов оказывается различным в свидетельстве непосредственных языковых фактов одного и другого договора. Языковый анализ, напротив, заставляет предполагать, что перевод договора 912 г. был сделан болгарином на болгарский язык, но этот перевод был выправлен русским справщиком. Напротив, переводчиком договора 945 г. должен был быть русский книжник, соответственно и отразивший в переводе смешение и русской и болгарской книжной

стихии. Есть ли в данных языка договоров материал для суждения о времени их перевода? В языке договоров, несмотря на то, что они сохранились в позднем списке, много общих архаических черт старшего по бытованию в литературном языке периода, чем конец XI в. Здесь достаточно широкое употребление аористических форм, наличность имперфекта, архаическое и относительно выдержанное пользование винительным, не родительным, падежом объекта от одушевленных имен, стройное архаического типа пользование соответствующей системою членных и нечленных форм прилагательных и причастий. Есть такие черты, которые принадлежат старшему договору 912 г., но чужды договору 945 г., и которые вместе с тем представляются особенно архаическими в общей линии развития литературного языка. Таково употребление *иже* в договоре 912 г. без согласования с определяемым словом, или здесь же архаическая по структуре форма прош. причастия *створшии*, или заметно отражающаяся в договоре 912 г. тенденция к обязательному переводу греческой лексики, такой лексики, которая позднее, по свидетельству договора 945 г., могла уже оставаться без перевода (ср. такие слова, как корабль, грамота и др.). Эти фактические данные, извлекаемые непосредственно из текста договоров, укрепляют мысль в предположении, что появление текстов договоров в переводе с греческого языка не могло быть ни относительно поздним, ни одновременным, а следовательно, оно приблизительно должно было совпадать со временем фактического заключения соответствующих дипломатических актов. С точки зрения этого предположения получает простое объяснение и факт разного качества и факт разного характера перевода договоров, становится понятною и причина различия самого языка, на который были переведены, с одной стороны, старшпй договор (912 г.), с другой стороны, все последующие договоры.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

Аще ли ускочить сътворивый убои, и убѣжить, аще будеть имовитъ, да възьмуть имѣние его ближьнии убиеного; аще будеть ли есть неимовитъ сътворивый убои, и ускочить же, да ищють его, доньдеже обрящеться; аще ли обрящеться, да убиенъ будеть.

Ли аще ударить мечьмь или копиемь, или кацьмь любо оружиемь Русинъ Гръчина или Гръчинъ Русина, да того дѣля грьха заплатить сребра литръ 5 по закону Русьскому; аще ли есть неимовитъ, да како можеть, въ толико же проданъ будеть, яко да и пърты, въ нихъ же ходить, да и то съ него сняти, а опроче да на роту ходить по своем вѣрѣ, яко имѣя ничьто же, ти тако пущенъ будеть.

Аще ли хотѣти начьнеть наше цьсарьство отъ васъ вои на противящаяся намъ, да пишють къ великому кънязю вашему и посълеть къ намъ, еликоже хощемъ: и отътоль увѣдять ины страны, каку любъвь имѣють Грьци съ Русию.

Мы же съвѣщание се написахомъ на дъвою харатию, и едина харатия есть у цьсарьства нашего, на неиже есть крьст и имена наша написана, а на друзьи сѣли ваши и гостие ваши. А отъходяще съ сѣлъмь цьсарьства нашего, да допроводять ю ти, приимающе харатию, на роту идуть хранити истину, якоже мы съвѣщахомъ и напьсахомъ на харатию сию, нанеиже суть имена наша написана.

Мы же, елико насъ крьстилися есмы, кляхомъся цьркъвию святаго Илиѣ въ съборьныи цьркъви и предълежащьмь чьстьнымь крьстъмь и харатиею сею, хранити вьсе, еже есть написано на неи, ни преступити отъ него ничьто же; а ихе преступить сеотъ страны нашея, ли кънязь, ли инъ къто, ли крьщенъ, или некърьщенъ, да не имать помощи отъ бога, и да будеть рабъ въ съ вькъ и въ будущии, и да заколенъ будетъ своимь оружиемь.

А некрьщении Русь да полагають щиты своя и мечь свои нагы и обручь свои и прочая оружия, и да кльнуться о вьсемь, яже суть написана на харатии сеи, хранити отъ Игоря и отъ вьсьхъ болярь и отъ вьсьхъ людии страны Русьскыя, въ прочая лѣта и вѣину.

Аще ли же къто отъ кънязь или отъ людии Русьскыхъ, ли хрьстиянъ, или нехрьстиянъ преступить се, еже есть писано на харатии сеи, будеть достоинъ своимь оружиемь умрети, и да будеть клятъ отъ бога и отъ Перуна, яко преступи свою клятъву.

Да обаче будеть добрь Игорь великыи кънязь хранити любъвь сию правую, да не раздрушиться, доньдеже сълньце сияеть, и вьсь миръ стоить, въ имѣниняя вѣки и въ будущая."

Посълании же сѣли Игоревѣ придоша къ Игореви съ сълы Грьчьскыими, и повѣдаша вься рѣчи цьсаря Романа. Игорь же призъва сѣли Грьчьскыя,

ОГО Р ИЗОРЯ С ЕРТ А.

...Елико хрьстиянъ отъ власти нашея плѣнена поиведутъ Русь, ти аще будеть уноша или дѣвица добра, да въдасть златьник 10, и поиметь и ; аще ли есть средовѣчь,да въдасть златьник 2,и поиметь и; аще ли будеть старъ или дѣтищь да въдасть златьникъ 5.

Аще ли обрящються Русь работающе у Грькъ, аще суть плѣньници, да искупають я Русь по 10 златьникъ; аще ли купилъ и будеть Грьчинъ, подъ крьстъмь достоить ему, да възьметь цѣну свою, еликоже далъ будеть на немь.

А о Кьрсуньстѣи странѣ. Еликоже есть градъ на тои части, да не имать власти кънязь Русьскыи, да воюеть на тѣхъ странах, а та страна не покаряеться вамъ, тъгда аще просить вои у насъ кънязь Русьскыи, дамъ ему,елико ему будеть требѣ, и да воюеть.

И о томь, аще обрящють Русь кубару Грьчьску,вывьржену на коемь любо мѣстѣ, да не преобидять ея; аще ли отъ нея възьметь къто чьто, ли человѣка поработить или убиеть, да будеть повиньнъ закону Русьску и Грьчьску.

Аще обрящють въ устии Дънѣпрьстѣмь Русь Кърсуняны, рыбы ловяща, да не творять имъ зъла никакого же.

И да не имеють власти Русь зимовати въ устии Дънѣпра, Бѣлобережии, ни у святаго Елеферия; нъ егда придеть осень, да идуть въ домы своя, въ Русь.

А о сихъ, оже то приходять Чьрнии Българе, и воюють въ странь Кърсуньстьи, и велимъ кънязю Русьскому, да ихъ не пущаеть пакостити странь его.

Ли аще ключиться проказа нькака отъ Грькъ, сущихъ подъ властию цьсарьства нашего, да не имать власти казнити я,нъ повелѣниемь цьсарьства нашего да прииметь, якоже будеть сътворил.

Аще убиеть хрьстиянинъ Русина или Русинъ хрьстиянина, да дьржимъ будеть сътворивыи убииство отъ ближьнихъ убиенаго, да убиють и.

и рече имъ:"глаголите, что вы казалъ цьсарь?" И реша сьли цьсареви:"се, посъла ны цьсарьвѫ,радъ есть миру, и хощетъ миръ имьти съ кънязьмь Русьскымь и любъвь; и твои сьли водили суть цьсаря наша роте и насъ посълаша роть водитъ тебе и мужь твоих." И обьщася Игорь сице сътворити. И наутрия призъва Игорь сълы, и приде на хълмъ, къде Перунѫ стояше Перунъ; и покладоша оружие свое и щиты и злато; и ходи Игорь роть и людие его, елико поганыхъ Руси; а хрьстияную Русь водиша роть въ цьркъви святаго Илиѭ, яже есть надъ Ручаемь, коньць Пасынъчь бесьды: се бо бъ съборъная цьркы, мъноги бо бьша Варязи и Козаре хрьстияне. Игорь же, утвьрдивъ миръ съ Грькы, отъпусти сълы, одаривъ скоюю и челядию и воскъмь, и отъпусти я. Сьли же придоша къ цьсареви, и повьдаша вься рьчи Игоревы и любъвь, юже къ Грькомъ.